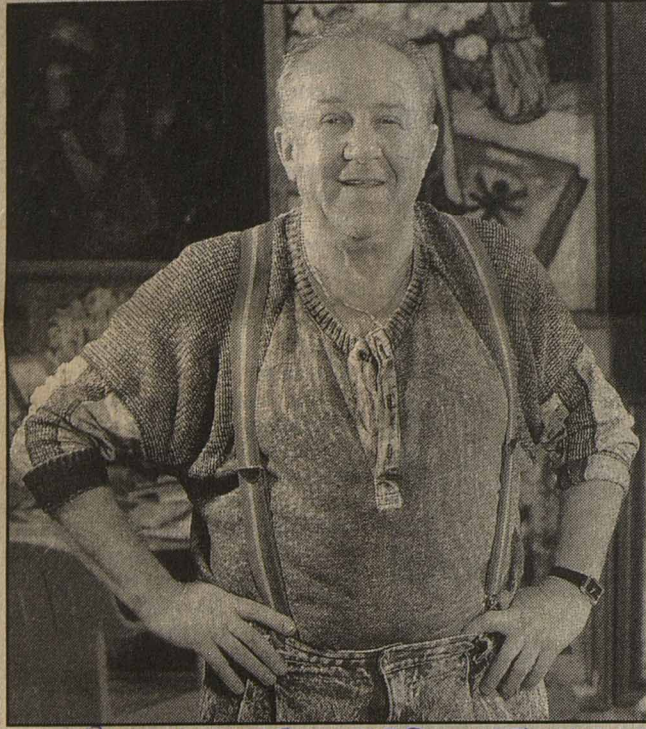

Зураб ЦЕРЕТЕЛИ: ЖУРНАЛИСТАМ НАДО СМОТРЕТЬ НА КАРТИНЫ, А НЕ СЧИТАТЬ ТУАЛЕТЫ

Как-то Сальвадор Дали сказал Зурабу Церетели: "Видимо, теряю форму. Давно вокруг меня скандалов не было". Самому Зурабу Константиновичу в ближайшем будущем это явно не грозит. Он всегда в форме и всегда при скандалах. Не успели утихнуть страсти вокруг Петра Великого и облика Неглинки, как главный академик сделал сенсационное заявление о создании в Москве Музея современного искусства. И это не считая планов по храму Христа Спасителя и Манежной площади. Поступки Церетели вызывают разную реакцию: от рукоплесканий и заискивания (говорят, у человека большие деньги — а вдруг и нам перепадет?) до негодования и возгласов из известного анекдота: "Ну ты везде живешь, а я нигде!"

Задушить соперника музеем

Создание в Москве музея современного искусства напоминает бег. Кто быстрее достигнет финиша — выбьет здание, соберет коллекцию, заручится поддержкой властей, — тот и будет считаться самым современным и музейным. В награду чемпиону посыпятся государственные инвестиции, а за рубежом его признают большим авторитетом. Судя по всему, в этом году гонка завершится каким-то результатом. Но уже сегодня можно делать ставки.

Третьяковская галерея, закопавшись в концептуальных проектах, довольствуется куцей экспозицией «XX век», развернувшейся в ее филиале на Крымском валу. Сотрудники галереи откровенно признаются, что не в силах обзавестись необычным, и пребывают в перманентном состоянии по сбору материалов. К ним плывут картины шестидесятников и мастеров соцреализма. Ни былого азарта Третьякова, ни предприимчивости.

Зато и того, и другого не занимать частным галереям столицы, чьи коллекции основаны главным образом на работах около- и постперестроечного времени. Три главные галереи — «Галерея Марата Гельмана», «Айда» и «ХЛ» — не далее как в прошлом году выпустили свой каталог под названием с большим намеком: «Россия без музея современного искусства».

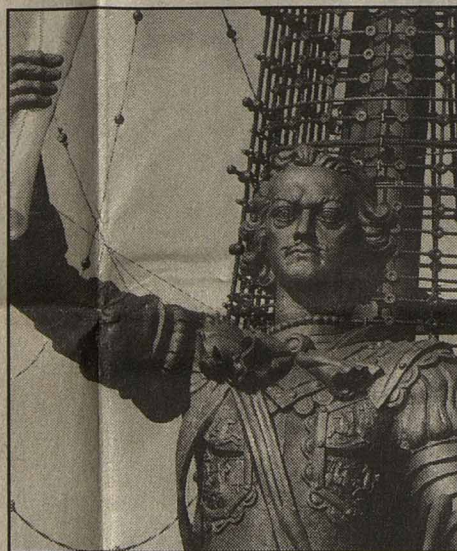
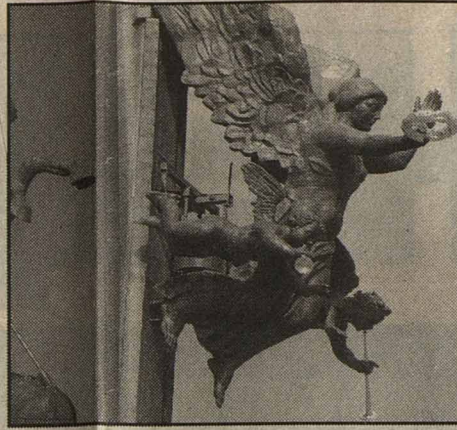
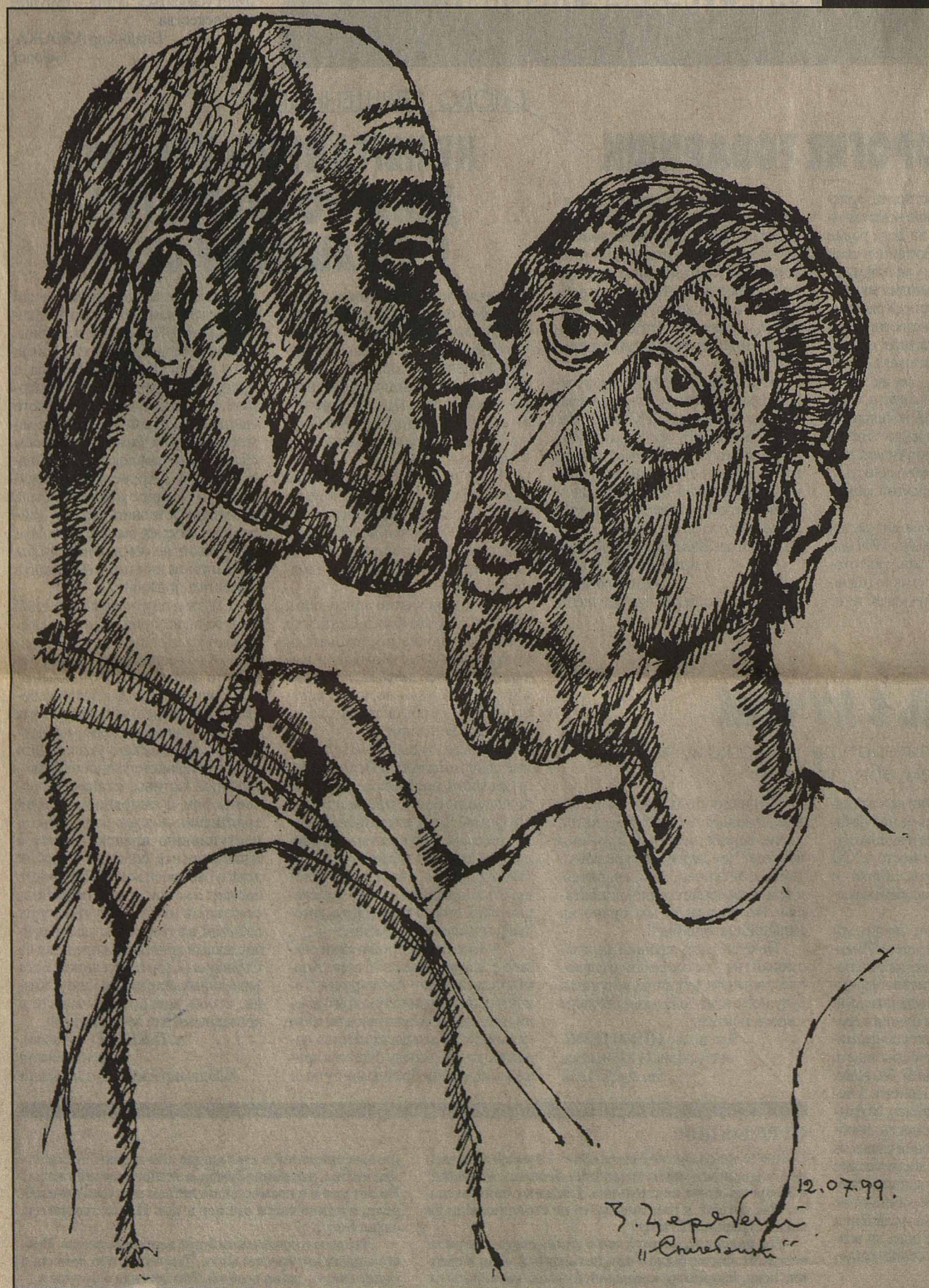
Однако общее недоверие к предпринимателям от искусства само собой распространяется на частные галереи. К тому же сами они довольно вяло заявля-

ют о желании что-либо делать и ждут, когда же их пригласят как признанных мэтров.

Более активен в попытках придать музейный статус своей коллекции Андрей Ерофеев, заведующий одним из отделов в Музее декоративно-прикладного искусства «Царицыно». Недавно он открыл вариант современного музея в ЦДХ. Судя по всему, это самое большое, на что может претендовать хранилище царьцинского бункера. Его коллекция имеет довольно ограниченный диапазон действия — полное искусство послевоенной поры. Она интересна скорее с исторической точки зрения.

Государственный центр современного искусства, открывшийся с благими намерениями собрать вокруг себя лучшие коллекции, занялся организацией проектов сомнительного качества. Здесь очень гордятся своей самоценностью и безденежьем, доставшимся от Министерства культуры.

Инициатива Зураба Церетели создать сразу четыре музея современного искусства — в Москве, Питере, Тбилиси и Париже — стала для неформалов громом среди ясного неба. У человека имеется власть, деньги, энергия и коллекция, которую еще никто не видел, но о которой он много говорит. Наконец, ему отдал обособка на Петровке. Вкус художника мы примерно представляем. Согласается ли московские галереи сотрудничать с Церетели — большой вопрос. Еще больший вопрос — кто же выберет в правительство.

От Севильи до Нью-Йорка — размах нашего Колумба

— Зураб Константинович, мы беседуем в стенах Академии художеств, где вы уже третий год пребываете в президентском кресле. (Церетели на манер Цезаря слушает вопрос, рисует в альбоме и откладывает распоряжение). Еще с XIX века у крупных художников с этим заведением складывались сложные отношения. Каждый старался отгородиться от его рутины. Вы сами не ощущаете здесь консервативного духа?

— Сейчас нет. Изменился статус. Недавно мы восстановили Устав Академии, там признаем даже соцреализм. Открыто заявили об искусстве без ограничений. Шеллеры не относятся к политике. Гениальный художник — это явление.

— Для вас вообще не существует разделения на официальное и неофициальное искусство?

— Скажу про себя. В советское время я никогда не рисовал ни вождей, ни там кого еще, не знаю... Не потому, что специально, или обижен был на что-то. Просто такое отношение было к искусству, такие педагоги были, которые сразу меня на правильные рельсы поставили. Тогда нельзя было делать "искусство для искусства", но я так жил. Так и продолжаю.

В Ульяновске — комплекс, как его... Ленинский. Когда меня туда пригласили, я сделал огромное зеркало воды с морским миром, в котором это здание, этот мемориал отражается, как бы поднимается. Это отражение — уже романтика. И архитектура вынырывает... А под водой... Если обобщать дно мрамором, что получится? Бани. Я сделал мозаику, морской мир. Ну, сразу — соответствующая реакция. Вскочил этот — из горького или обкома. Шум. А как я работал? Один работал. Не потому, что хотел что-то там спрятать. Я во что верю, туда и шагаю. Одному быстрее. Вот докладываю: "Все. Закончил". Думаю, сейчас аплодировать будут. Днями и ночами работал. Снимаю полотно. И вижу этот из обкома сначала покраснел, потом побледнел. Машет, кричит. Не понравился ему там рыбы, осминоги... "А что должно быть?" — спрашиваю. "Революция!" — кричит. — Ленин идет..." Все стоят испуганные. Я сел в самолет и улетел отсюда. Анекдот. Он победил Сулусову, Брежневу жаваться, орал. Я объяснил, что этот деятель революцию под водой предлагает. Как можно революцию под водой? Вроде выпутался.

Животись я вообще долго не показывал. Президент Академии художеств Серов снял меня с диплома, потому что я был под влиянием импрессионистов, индивидуального искусства.

— Вы работаете в живописи, в скульптуре... В чем вы сильнее?

— Самое важное для меня — носить имя художника. И создавать художественное произведение. Это будет глина, масло, бумага и карандаш. Или просто земля. Для меня не имеет значения. Почему я и хочу, чтобы педагоги развивали индивидуальность. Руссо, Пиромани не прошли академической школы. Но они рисовали — обалдеть можно! Какой это рисунок! Это жизнь. Вот и в лицее мы смотрели рисунки детей первого класса — я бы так не смог сделать.

— А наука вам помогает?

— Создание эмали, — это что? Наука. Инженерная мысль... Вот был недавно ураган. Так я с дочерью пришел в храм Христа Спасителя. Сидели мы там в куполе под крестами с компьютерами и вывели, как они держатся, что происходит. Крутом железо летает. Страх! Носители опоры крестов все работали на пятки.

Или Колумб, которого я поставил в Севилье (на снимке). Вот это яйло, вот ветровая нагрузка (складывает пальцы правой руки

с пальцами левой, показывает, как они прогибаются по методу рессоры). Это новое слово. Возьмем Колумба, которого я монтирую сейчас в Америке, в месте, где самые страшные ураганы. Будут там паруса под 48 метров. Как с ними быть? Возьмем Петра. Это не скульптура на пьедестале с колхозником, вождем или поэтом. Это не только искусство, это научная мысль.

— Есть ли сейчас такие произведения, о которых вы бы могли сказать: "Жаль, не я это сделал"?

— Безусловно. Смотрю и думаю: "Ой как хорошо!" То, что не я сделал, я об этом не думаю. Это пусть они думают, когда на мои вещи смотрят (смеется). Вон при входе в Академию стоит Пушкин Орехова — прелесть! Поставил здесь. Я немного верующий человек, привык радоваться за другого.

— Как реагируете на неприятные интеллектуалы Москвы ваших произведений, как вообще относитесь к критике?

— К творцам пресса должна относиться хорошо. Художники очень ранимы. Когда людей искусства критикуют, необъективно... Ведь чувствуешь, что это что-то заказное или политическое. Обидно становится. Почему? Не должно быть такого, что увидел и сразу свое мнение сказал. Нужно время.

— Был ли в вашем творчестве застой? Не возникало ли желания уехать за границу?

— Я в Москве живу не меньше 30 лет. Всегда работал как проклятый. Жил пополам и в Грузии, и в Москве. Во время Олимпиады был главным художником. Несколько человек отказалось. Сделал более 30 объектов. До Олимпиады я весил 85 кило, после нее — 57. Так что напрасно ничего не бывает. Потом был главным художником МИДа. Работал в 11 странах. Был близко знаком и с Пикассо, и с Шагалом. Уехать всегда мог. Приглашали. В Америке в 79-м году поставил для Университета изящных искусств "Прометей". Они выбрали меня профессором. Сейчас, если поеду, получать буду 25 тысяч долларов. Уже в то время я накопил подарки, и деньги никак не кончались. После этого я поставил в Америке "Добро побеждает зло" — из списанных «Першингов». Что дальше? Я решил, что нужно воспитывать молодое поколение. Молодежь везде одинаковая, историю плохо помнит. Потому у меня и родилась идея "Европа открывает Америку". Колумб. «Вот, — кричали, — как же так — это будет выше статуи Свободы!» Ответаю: "Какую бы вы свободу завозили без Колумба? Сначала землю открыли". Американцы, как дети, верят любому скандалу, поэтому установку откладывали.

— Когда вы беретесь за крупные заказы, за заказы Лужкова, например, вы сами ставите какие-то условия?

— Скажу сразу, открыто, чтобы все знали: ни одного заказа лично от Лужкова я не получил. Всегда участвовал в конкурсах. И на Поклонную гору и на воссоздание Христа Спасителя.

— Хотите сказать, что отношения с мэром у вас исключительно деловые?

— Мы друзья. Я его очень люблю. Он хороший пример жизни, отношений с людьми. Я смотрю, как он любит своих детей, свою жену. Он пример для меня. Но заказы тут ни при чем.

— Бывает такое, что он критикует ваши работы?

— А как же! Вот в Храме — сколько угодно. Но это конкурсы. Там все профессиональные художники. Возьмем Петра: был конкурс к 300-летию флота, участвовало восемь человек. Первую премию получил я, а вторую — академик Кербер. Мне очень неудобно было: в одной Академии работаем, он старше меня, сильный

профессионал. Конкурсы на кресты, на врата, конкурсы фрески и орнамента в Храме — я выиграл.

— Создается впечатление, что вы собой очень довольны. Никогда не возникает сомнения: "А правильно ли все делаю?" Как сами себя оцениваете?

— Скажу вам: все испущие художники не смотрят назад, что они там создали. Впечатление не то произвожу? У меня на лице написано, что я радуюсь, когда кто-то меня слушает. Вот вы меня слушаете, мне хорошо.

— Не ломаете ли вы сами устав Академии? Кажется, что Академия стала вашим придатком.

— Откровенно? Можете пустить это в прессу. Академия — это академики, которые очень многое дали для сохранения искусства, когда оно было гонимым. Они сохранили школу — им особая благодарность. Разве Малевич и Кандинский не получили эту школу? Получили. Потом, конечно, была другая ситуация. Нельзя совместить искусство и академизм. Вот у меня 300 работ неопубликованных художников, похожи на Сезанна и Ван Гога, таких художников называли формалистами и троцкистами. Из них я собрал коллекцию "Неужели нас помнят?" Нужно расширять границы.

— О Церетели говорят как о страшном трудоголике...

— Знаете, это у меня от отца. Сейчас ему 96 лет. Так вот, мы жили в маленькой комнате. Я, сестра, мать и отец. Он очень рано вставал всегда. Включал радио, включал телевизор, бритву и еще пел. Можете представить? Бедная мама уши затыкала. Я уже не мог спать. Ходил всегда пешком. За столом сидел прямо. Гости уже по пять раз в туалет сбегают, а он как статуя. До сих пор почти каждый день пешком ходит на кладбище за 30 километров. Прошу его перебраться. Нет, говорит, не могу твой музей оставить без внимания. Знаете, что он музей называет? Те же комнаты, в которых живет. Они с пола до потолка обклеены статьями обо мне. Он говорит: "Вот какой сын! Такие в Грузии еще не рождались". Пишет воспоминания, так хвалит, что даже стыдно...

— На свою семью у вас времени остается?

— Всегда было. Воспитал дочь и еще двух приемных дочерей. Они жили в каких-то трущобах. Взяли, воспитали, отдали в школу, в институт. Люда и Тана. Одна вышла замуж за русского виолончелиста. Другая — за грузина. Та, что за русского, у нас еще долго жила. Сейчас они за границей.

— Вопрос от главного редактора "ВК": ваше любимое грузинское вино?

— Сейчас скажу. Любимое грузинское вино — это чача и русская водка. (Смеется) Вы думали — «Хванчкара», «Кинзмараули»... Но я про напиток скажу. Чача — красивое слово. Она быстро организм очищает. Мозги не затуманиваются.

— С таким грузинским характером как вы чувствуете себя в Москве, где иногда звучат шовинистические призывы?

— Ну это в каждой нации так. Потом уже не обращаешь внимания. Тут был недавно съезд Союза художников, выступает художник из Кабардино-Балкарии и обращается к председателю Союза художников: "Вот вы такой гениальный, такой известный. А не можете вы быть президентом Академии? А то выбрали грузина, вы же русский человек..." Тут смеяться надо.

— В политику не хотите пойти?

— Нет. Точно нет. Я уже был депутатом от Грузии. Я почувствовал, что это мешает. Во-вторых, пользу не даешь.

— Какое ваше отношение к перестройке мемориального комплекса на Красной площади? К перезахоронению Ленина?

— Я думаю, это неправильно. Эпоха создает монументы. Нигде не бывает такого, чтобы урезали свое богатство в истории. Вот в Севилье в Испании — аллея, на которой сплошные скульптуры. Все там, был фашизм — стоит, был коммунизм — стоит. Сейчас мы все уничтожим. Зачем? Ведь что такое сила нации? Показать все, что она прошла.

А что вы меня о Музее современного искусства не спрашиваете? Сейчас на каждом углу об этом кричат.

— Хотел спросить, не успел.

— Мне обидно, что талантливая молодежь уезжает за границу и оставляет свои работы там. Вот мы и создаем современный музей, которого в России не было. Это моя инициатива. Открыты у нас двери для всех: хочешь — для чистиков, хочешь для Пушкинского музея, хочешь — для Царицыно. И за аренду, за свет, за воду платить не нужно. Мы создаем музей в Москве, в Петербурге, в Париже и Тбилиси. В Тбилиси я уже получил 11 тысяч метров, полотнищу фабрику для этого отдала. В Санкт-Петербурге на прошлой неделе с Яковлевым и Академией уже выбрали место. Из Франции вон каталог прислали — предлагают место. За это они хотят иметь здесь в Москве еще один культурный центр. Это будет первый случай, когда у русских будет собственный музей в Париже.

— Музей создается на основе вашей личной коллекции?

— Сейчас в государстве ужасное положение. Ничего не может купить. Я хотел купить коллекцию Лобановых-Ростовских, снизил цену с шести миллионов долларов до четырех. Я хотел купить у внуки Шагала, она продавала триста работ. Я выбрал шесть уникальных работ, но ничего не получается. Тем не менее той коллекции, которая в моей собственности, уже достаточно для открытия музея.

— Всем известно, что если Церетели берется за дело, оно получается огромным размахом. К тому же ваш принцип — явно на музей государственной. При бедности культуры другим коллекционерам и организациям, стремящимся открыть такой музей, инвестиций не останется. А музей современного искусства может превратиться просто в музей Церетели. Не что вроде галереи Шилова.

— Современных музеев в Америке и во Франции несколько. Каждый может открыть современный музей. Если другие спят — я-то тут при чем? Ко мне приходил директор из Царицыно. Я ему говорю — пожалуйста, зайвляй о себе. Все говорят о современном музее. Гельман говорит. Что говорить? Ты делаешь! Я, например, говорю от Манежной площади даже не брал. Говорю, не давайте, все равно разстреляю, лучше на Музей пустим. Вот иду к министру культуры, буду ему излагать все свои дела. В газетах пишут, что у меня только что родилась эта идея. Еще когда министром Демичев был, он мне предлагал открыть Музей! Даже здание уже выбрали. Но Сулусов сказал: "Есть Манеж — и хватит, проводите там выставки".

— Спасибо, вы рассказали много интересного.

— То, что я вам рассказывал, я еще никогда не говорил. С журналистами ведь как? Приходит какая-нибудь дама в мастерскую. Так она не на картины смотрит. А спрашивает: «Зачем вам два туалета?» А я ей: «Для того, дорогая, чтобы мы с тобой в очереди не стояли. Вдруг нам сразу двоим захочется?» Вот это она потом обязательно напишет.

Встречался
Сергей СОЛОВЬЕВ